

Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 197—208.

Economic and Social Research. 2023. No. 3 (39). P. 197—208.

Дискуссионная статья

УДК 1:316 + 37.062

doi: 10.24151/2409-1073-2023-3-197-208

<https://elibrary.ru/ikkazd>

**Необъяснимое и непознанное в зеркале общественного сознания:
к дискуссии о качестве советского образования
Часть 1. Архаический застой как следствие специфики
образовательной системы**

Т. В. Растимешина¹, Ю. В. Лункина²

^{1, 2} Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

¹ rast-v2012@yandex.ru

² TolkoYa@yandex.ru

Аннотация. Приводится концептуальный анализ природы феномена, который, с точки зрения авторов, наблюдается в общественной жизни современной России. Предложен термин «архаический застой», описывающий рассматриваемое явление. Не отрицая всей сложности природы архаичности, авторы выдвигают гипотезу о том, что многие архаические паттерны являются производными советской системы образования.

Ключевые слова: архаичность, архаизация, общественное сознание, образовательная система, футуральная устремленность, образовательная среда, технократизм, авторитаризм, выученная беспомощность

Для цитирования: Растимешина Т. В., Лункина Ю. В. Необъяснимое и непознанное в зеркале общественного сознания: к дискуссии о качестве советского образования. Ч. 1: Архаический застой как следствие специфики образовательной системы // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2023. № 3 (39). С. 197—208. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-197-208>
EDN: IKKAZD.

Article open for discussion

**The unexplainable and the unknown in the mirror of public conscience:
towards discussion about quality of Soviet education
Part 1. Archaic standstill as an effect of educational system specificity**

T. V. Rastimeshina¹, Yu. V. Lunkina²

^{1, 2} National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

¹ rast-v2012@yandex.ru

² TolkoYa@yandex.ru

© Растимешина Т. В., Лункина Ю. В.

Abstract. The authors provide conceptual analysis of nature of a phenomenon that is, in the authors' opinion, observed in social life of modern Russia. They suggest a term "archaic standstill" describing the phenomenon under study. With due regard to the complexity of the nature of archaism, the authors have advanced a hypothesis that many archaic patterns are derived from Soviet educational system.

Keywords: archaism, archaization, public conscience, educational system, direction towards future, education environment, technocratism, authoritarianism, learned helplessness

For citation: Rastimeshina T. V., Lunkina Yu. V. "The Unexplainable and the Unknown in the Mirror of Public Conscience: towards Discussion about Quality of Soviet Education. Pt. 1. Archaic Standstill as an Effect of Educational System Specificity". *Economic and Social Research* 3 (39) (2023): 197—208. (In Russian). <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2023-3-197-208> EDN: IKKAZD.

Введение

Нередко приходится слышать споры двух групп ученых: апологетов советского образования, активно поддерживающих миф о его фундаментальности, основательности и наукоориентированности, и реформистов, полагающих, что образовательная система должна подвергаться реформированию и модернизации, поскольку она, сопрягая традиции и инновации, тем не менее ориентирована на развитие человеческого капитала и удовлетворение растущих человеческих потребностей в *будущем*, т. е. имеет футуральную устремленность.

Представители второй группы исследователей выступают противниками консервативных идей (понимая консервативное преимущественно в прямом — этимологически обусловленном — смысле: как стремление к консервации, неизбежно приводящее к архаизации).

Солидаризируясь со второй группой ученых, мы тем не менее не преследуем цели принять участие в этой расширенной дискуссии. Наша цель в первую очередь связана с рекомбинацией социального эффекта архаизации общественного сознания. Однако методологической основой предпринятой

нами рекомбинации служит идея, которую так или иначе разделяет подавляющее большинство ученых и практиков: *образование имеет свое пролонгированное, долгосрочное и обладающее свойством кумулятивности социоматериальное воплощение во взаимодействии индивидов и институтов.*

Зафиксируем содержательный аспект того явления, которое ученые называют архаизацией, хотя в России имеет смысл использовать термин «архаический застой»: архаизация или откат к архаичным представлениям и ценностям имеет место в социально-политической компоненте общественного сознания, тогда как ряд паттернов и нарративов (именно они находятся в центре нашего внимания) остаются относительно стабильными последние 20 лет. Так, социолог А. Панченко отмечает: «От исследования к исследованию половина совершеннолетних жителей России (курсив наш. — Т. Р., Ю. Л.) отвечает в опросах, что верит в духовных целителей и прорицателей; порядка 40 % — в знаки и гороскопы, влияющие на судьбу человека; треть населения признается, что верит в существование НЛО»¹. Уже в 2022 г. 35 % опрошенных

¹ *Пипия К., Панченко А.* Мракобесие и отвага [Электронный ресурс] // Левада-центр: Аналитический центр Юрия Левады: [сайт]. 24.04.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/24/mrakobesie-i-otvaga/> (дата обращения: 11.07.2023). Настоящий материал (информация) произведен и распространен иностранным агентом АНО «Левада-центр» либо касается деятельности иностранного агента АНО «Левада-центр».

россиян выражали уверенность, что Солнце вращается вокруг Земли, и 44 % были убеждены, что продукты с ГМО могут стать причиной онкологических заболеваний². Согласно другим опросам, 53 % россиян верят и «скорее всего верят» в жизнь после смерти, 57 % — в царствие небесное, 52 % — в религиозные чудеса, 52 % — в сглаз и порчу (данные на 2020 г.)³. Все эти данные свидетельствуют, прежде всего, о несформированности у половины россиян научной картины мира, о том, что ткань картины мира только местами имеет научную структуру, эта ткань не плотна, залатана архаическими заплатками обыденных, мифологических по своей сути, пещерных представлений о природе вещей и рвется там, где тонка. В частности, тонким местом оказались представления россиян об эпидемиях, сути и значении прививки, проявившиеся в крайне низкой вовлеченности жителей РФ в вакцинацию против новой коронавирусной инфекции: в то время как в США, стране весьма консервативной и религиозной, были привиты 17,31 % населения, а в Израиле — 56,24 %, доля получивших прививку в России, где вакцина стала доступна еще в декабре 2020 г.,

составляла всего 3,05 % (данные на весну 2021 г.)⁴.

Социальное явление архаизации и архаического застоя общественного сознания россиян — объект нашего анализа — имеет крайне сложную природу: его причинный корпус образуют множество факторов. Поэтому мы далеки от мысли о том, что архаизация и архаический застой, отмечаемые и на концептуальном, и на эмпирическом уровне, восходят исключительно или даже в первую очередь к проблемам советской средней и высшей школы. Вместе с тем, на наш взгляд, возрождение в общественном сознании первобытных архетипов, реинкарнация и консервация всех мыслимых идолов пещер (от ксенофобии всех видов до патриархального мракобесия) должны бы выбивать (но не выбивают) из рук поклонников образовательной системы СССР самый важный тезис: о качестве советского образования. Поскольку если оно было таким качественным, сегодня основу общества и его управленческого класса должны составлять люди, которые по определению не могут верить, что онкологические заболевания заразны, а Солнце обращается вокруг Земли.

Технократизм и авторитаризм советской образовательной системы и архаический застой

Советское образование претендовало на фундаментальность, но не давало ни целеполагающих ориентиров, ни методологического инструментария в отношении обращения с новым, стихийным, непривычным, непознанным и кажущимся принципиально непознаваемым. Не поддающееся осмыслению и конвертированию в формулу или

теорему игнорировали и отрицали; советский школьник не был знаком с тем, что такое гипотеза и в чем заключается смысл ее выдвижения. Между тем непознанное неоднородно, в частности, мистика и эзотерика — не одно и то же. Но различать их и осмыслять, применяя различные инструменты анализа непознанных явлений, в школе не научили.

² Почему необходимо просвещение, или Снова о распространенных заблуждениях [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: Официальный сайт. 02.08.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pochemu-neobkhodimo-prosveshchenie-ili-snova-o-rasprostranennykh-zabluzhdeniyakh> (дата обращения: 11.07.2023).

³ Вера в сверхъестественное [Электронный ресурс]: обзор «Левада-центра» // Левада-центр: Аналитический центр Юрия Левады: [сайт]. 28.10.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/28/vera-v-sverhestestvennoe/> (дата обращения: 11.07.2023). Настоящий материал (информация) произведен и распространен иностранным агентом АНО «Левада-центр» либо касается деятельности иностранного агента АНО «Левада-центр».

⁴ Коронавирус [Электронный ресурс]: статистика. URL: <https://yandex.ru/covid19/stat> (дата обращения: 07.05.2021).

На наш взгляд, степень влияния советского образования на такое состояние мышления постсоветских людей установить затруднительно, если вообще вероятно. Вместе с тем, если мыслить концептуально, есть возможность обоснованно предположить, какие именно особенности советской образовательной системы вносят вклад в архаизацию общественного сознания. Как нам представляется, наиболее существенными атрибутами советской системы образования, оказывающими это пролонгированное действие, являются технократизм, авторитаризм, отчужденность от человека и человеческого, отсутствие ориентации на вовлечение и включение, субъект-субъектной ориентированности и коммуникации. В настоящей статье мы рассмотрим технократизм и авторитаризм, в следующей — те особенности, которые также влияют на обстановку в современном российском обществе: приводят к взаимному отчуждению людей, институциональному и межличностному недоверию, иными словами, погружают современного человека в состояние экзистенциального одиночества и отчужденности от источников света знаний и тепла коммуникации.

Технократический подход к образованию

В последние несколько десятилетий в научной литературе (как в России, так и, что особенно важно, за ее пределами) активно дискутируется проблема отрицательного влияния технократической парадигмы на общественное сознание [8; 19; 21]. Технократические идеи высказывал еще в XIX в. выдающийся ученый К. А. Сен-Симон. Он понимал под технократией систему планирования и рационального порядка, в которой общество (в лице управляющего класса) определяло бы свои потребности и организовывало бы факторы производства для их удовлетворения [12]. Технократические идеи в управлении активно разрабатывал русский ученый и философ-утопист А. А. Богданов [3] и многие другие ученые во всем мире. Технократическая парадигма неоднородна

по своему содержанию, однако все ее составляющие так или иначе основываются на презумпции ценности полезных, имеющих прикладное значение знаний, а также измеримости знания и результатов обучения количественными методами.

Технократическое мышление, согласно М. Хайдеггеру [17], имеет и иные атрибутивные характеристики. Ему присущи:

1) строгая детерминированность условиями, в которых оно осуществляется (в отличие от осмысляющего мышления, нацеленного на проникновение в смысл и суть познаваемого явления);

2) целесообразность (тогда как осмысляющее мышление — картезианское — является сущностью человека, а не его инструментом для достижения целей);

3) прагматизм и вульгарная прогностическая нацеленность;

4) абсолютизация количественных методов исследования, отказ от качественных методов.

Уже на заре XX в. многие мыслители, в том числе русские, увидели в экспансии технократии вызов и угрозу для культуры и цивилизации [4; 5; 10]. Однако несмотря на эти опасения, технократическая идеология и даже религия в XX в. захватила мир. Она определяла развитие образования на различных полюсах биполярного мира: и в Советском Союзе, и в США, и во многих других странах, от Германии до ЮАР. В результате, констатирует С. В. Колычева, «сегодня технократизация общества является трагической данностью прогрессивных тенденций, которая постепенно становится способом постижения мира и способом бытия человека» [7, с. 32].

Доминирование технократического подхода к образованию и обучению приводило к тому, что многие молодые — и далее взрослые — люди оказались не подготовленными к жизни и принятию ответственных решений в реальном мире, прежде всего в связи с тем, что они не получали действенных

инструментов анализа сложных, в первую очередь социальных, явлений, привыкли мыслить догмами, шаблонами, стереотипами, формулами или лозунгами; а значит, у них не формировалась способность к принятию самостоятельных разумных решений и тем более не было готовности отвечать за свои решения и их последствия. Этот навык, если и сформировался, мог проявить себя в достаточной степени лишь в типичных ситуациях и крайне слабо — в условиях повышенной неопределенности.

Мы оставляем за границами наших рассуждений чудовищный урон, который технократическое обучение наносило мотивационным или волевым характеристикам человека. Но отметим, что именно на советской, до мозга костей технократической, образовательной и всей командно-административной системе управления социумом лежит ответственность за формирование пресловутой *выученной беспомощности* человека и социума, поскольку контроль за познавательной деятельностью (ее целями, качеством, содержанием) — базовым видом деятельности человека — когда-то в детстве был насильственно отчужден у юного школьника. В связи с этим мы не видим ничего удивительного в том, что затем при малейших проблесках сомнений уже взрослый человек с готовностью делегировал ответственность за принятие решений кому-то более умному, авторитетному, *обладающему властью, наделенному полномочиями*: учителю, пионервожатому, класснику, начальнику. Политологи и социологи в сотнях исследований (см., напр.: [6; 9; 15; 16; 18; 20]) отмечают роль выученной беспомощности в формировании других феноменов политической культуры постсоветского общества: электоральной пассивности, патернализма, подданничества, вождизма и т. п.

Чуть менее очевидно, но, на наш взгляд, несомненно прослеживается связь между

технократическим диктатом и бытовой, проявляющейся в частной жизни, выученной беспомощностью постсоветского человека: в случае болезни, экономического кризиса или колебания валютного курса он готов верить свое здоровье или доверить пенсионный вклад любым посредникам (от «Сбербанка» до астролога и шамана), только чтобы снизить до минимума свою ответственность за лечение, учение, трудоустройство или инвестицию. Представляется, что в этом одна из причин уязвимости выдающихся технических умов, способных вычислять интегралы без помощи ручки и бумаги или калькулятора, перед мошенниками, обещающими чудеса (зарядку воды от телеэкрана, исцеление на расстоянии и т. п.).

Безусловно, технократическая образовательная парадигма имеет несколько изводов: знаниевая, трансляционная, авторитарно-догматическая, манипулятивная. Но все их объединяет бинарность, дискретность, монологичность формируемого мышления и оценок. В связи с этим, сталкиваясь с непознанным или чрезмерно сложным (в английском языке для описания состояния мира с 1980-х гг. активно используется термин «VUCA-мир»⁵), жертвы технократического образования применяют «техническую экстраполяцию» (Г. Марсель [11]): прибегают для объяснения сложного многомерного явления к самому простому и доступному из известных им шаблонов. На наш взгляд, именно этим стремлением к стереотипизации и вульгаризации сложных явлений, с одной стороны, и привычкой к упрощению любой казуальности до примитивной персоналистской парадигмы («...Если звезды зажигают — значит — это кому-нибудь нужно» (В. В. Маяковский), «это кому-то выгодно» (Quid prodest)), с другой, может быть объяснена склонность постсоветских людей к конспирологии и приверженность различным теориям заговоров.

⁵ VUCA-мир — понятие, описывающее непредсказуемую, быстро меняющуюся среду: volatility (англ.) — изменчивость, uncertainty (англ.) — неопределенность, complexity (англ.) — сложность, ambiguity (англ.) — неоднозначность [22].

Несмотря на презрительное отношение технарей и носителей «полезного» технического знания к « витающим в облаках» (а по сему крайне бесполезным) гуманитариям, унаследованное современным российским обществом от советского времени (и активно подпитываемое современной технократической иерархией ценностей и мнений и организацией государственного управления), один из парадоксов современного социума в том, что именно представители технических и так называемых точных областей знания и профессиональной деятельности значительно чаще, чем так называемые гуманитарии, являются членами сект или выказывают веру в шаманизм, заряженную воду и пр. Нам представляется, что объективно догматический характер технического знания и трансляционная модель преподавания (закон Ома по определению крайне сложно осмыслить в критическом или творческом ключе, поэтому техническое обучение нередко сводилось и сводится к решению стандартных задач с применением формул и стандартных же методов решения) делают именно физиков, а, как это ни парадоксально, не лириков-гуманитариев более уязвимыми по отношению к травматизации неизведанным, незнакомым, непостижимым, неожиданным. Поэтому именно технари подвержены угрозе срыва адаптации и болезненной реакции на такие травмы, как смена политического курса, экономический кризис, рост цен, изменение состава семьи, тяжелая болезнь, увольнение и пр.

Техническое и технократическое образование не предполагает анализа сущности явлений, проникновения в их сложную природу, выявления многогранных и многоуровневых — не исключительно иерархических или причинно-следственных — связей между явлениями. В этом отношении гуманитарное (даже осуществляемое в технократическом ключе) образование имеет в качестве предмета социальные процессы, не описываемые простыми формулами (социология, политология),

непредсказуемые результаты и последствия человеческих решений и действий (история), артефакты, тексты, контексты, символы, подтексты и интерпретации (науки о культуре и искусстве). Соответственно, гуманитарии владеют в качестве образовательного результата такими терминами, как волатильность, непредсказуемость, многомерность, амбивалентность, сложная детерминированность, и таким инструментарием, как выдвижение и обсуждение гипотез, управление процессами в условиях повышенной неопределенности, управление рисками, социальное прогнозирование, критический анализ, — благодаря чему более гибко и, как это ни парадоксально, рационально могут реагировать как на критические или рутинные жизненные ситуации, так и на социальные явления и кризисы.

Техническое (технократическое) мышление стремится к конкретизации и анализу, гуманитарное — к синтезу и абстрагированию. Абстрагирование, согласно выводам антропологов и нейропсихологов [2; 13], — более сложная мыслительная операция, чем анализ и конкретизация. Так, маленький ребенок без труда видит разницу между яблоком и грушей, тогда как единство их природы оказывается ему явлено, а затем очевидно только на более поздних этапах когнитивного развития. Соответственно, когда в течение многих лет мышление и сознание подвергаются технократическому прессингу и шаблонированию, их носитель неизбежно испытывает трудности в осмыслении масштабных и неосозаемых явлений, таких как пандемия, урбанизация или изменения климата. И там, где необходимо применить научное воображение и абстрагирование, он прибегает к таким когнитивным уловкам, как отрицание, примитивизация, конспирологическое объяснение. Существенно травмированный и лишенный воображения технарь испытывает ужас суеверного дикаря перед явлением, которое не описано в знакомом учебнике и не интерпретировано

знакомым авторитетом; ему легче объяснить пандемию злоумышлением китайцев, а вакцинацию — фармацевтическим лобби (китайцы и аптекари — понятные, легко вообразимые конкретные субъекты; умысел — понятная объяснительная формула), нежели вообразить сложное глобальное многоаспектное явление — всемирную эпидемию мутирующего вируса — и тем более попытаться прогнозировать его развитие.

Отрицание человеческой произвольности, творческого вдохновения, интуиции, прозрений, самоотречения, подвига, сведение мотиваций человеческих действий к простым формулам (вроде «это всё за деньги» (М. М. Панин) или «это всё придумал Черчилль в 18-м году» (В. С. Высоцкий)), интерпретация любых поступков в вульгарно-рационалистической, а не гуманистической парадигме также было одним из важных признаков и социальных эффектов технократического образования. Поэтому не удивительно, что всё, что не вписывается в эту плоскостную вульгарно-рационалистическую картину мира, либо отрицается, либо интерпретируется сквозь призму самых простых объяснительных конструкций. Например, благотворительность, альтруизм и даже социальное предпринимательство оказываются для общественного сознания непостижимыми или воспринимаются как воровство и проявление прагматического замысла. Напротив, насилие и несправедливость, злоупотребления властью, корысть в рационалистической парадигме расцениваются как нормальные явления повседневности.

Выражение «мы это проходили» часто означало, что обучаемые прошли (хорошо если прочли), например, текст и предельно просто расставили акценты (интерпретируя сюжет сквозь призму политической позиции автора). На этом изучение художественного произведения завершалось. Вот один из примеров. Историю о горячем сердце Данко слышали все, кто учился в советской школе. То, что история эта не само-

стоятельная, что она входит в произведение Максима Горького «Старуха Изергиль», узнать не трудно, но не все дают себе труд это узнавать, и по собственной воле в зрелом возрасте перечитывают произведения из школьной программы тоже далеко не все. Если наугад спросить окончивших школу 40 или более лет назад, кто и зачем наступил ногой на гордое сердце, ответ «не знаю» с большой вероятностью окажется одним из самых частых (хотя можно предположить и то, что в юности, впервые прочитав об этом поступке безымянного осторожного человека, многие были огорчены или возмущены). Только редкий читатель отмечает и помнит, что смысл и мотив этого поступка сложен и неоднозначен, что наступивший не преследовал злого умысла и не был корыстен, он просто *боялся чего-то*. Автор не уточняет, чего, но можно предположить — например, лесного пожара: сырые болотистые места благодаря подвигу Данко остались позади, а сухая лесная подстилка загорается легко. То есть в битве альтруиста и прагматика победил прагматик, но всё же мотивация его действия сложна, тонка и не может быть объяснена исключительно наличием прагматического целеполагания.

Авторитарная организация образовательной системы

Еще одной особенностью советской системы образования была авторитарная организация всей этой системы и образовательной среды. Можно с некоторыми оговорками (главная: управление государственной образовательной системой по своей природе предполагает построение конструкции, основанной на административно-командных принципах) утверждать, что авторитаризм (в отличие от всемирно распространенного технократизма) является отличительной чертой, характерной для советской образовательной системы.

Министерство просвещения управляло образовательной системой с технократических позиций (количество и направленность

образовательных учреждений и количество обучаемых в них слушателей соотносились исключительно с потребностью страны в квалифицированных кадрах) и в рамках единой административно-командной системы. Базисом внутренней организации образовательных учреждений также была строгая, почти армейская иерархия и авторитарная диктатура. Любые проявления свободомыслия (от причесок учениц и оформления классной комнаты до содержания урока) система нещадно подавляла. Многие (если не все), кто учился в советской школе, могут вспомнить страх и трепет перед тем или иным учителем, поскольку он (она) кричал (-а) на учеников, и унижения, которым подвергались те, кто осмеливался модернизировать хоть один из элементов школьной формы.

Тем не менее мы выступаем сторонниками школьной формы, полагая приучение к порядку, опрятности, дисциплине важным элементом воспитания. Но подчеркиваем, что в Советском Союзе авторитарный диктат был доминирующим стилем преподавания дисциплин, в том числе гуманитарных. Именно авторитаризм и привычка к заучиванию и воспроизводству догм порождают неспособность постсоветских людей к восприятию новых данных, к критическому осмыслению новых гипотез и научных положений. Постсоветский хорошист, как утопающий за соломинку, будет цепляться за однажды заученное, отрицать открытия, инновационные тенденции и социальные изменения, в любом бытовом споре приводить аргументы и факты, заученные в школе, потому что их достоверность якобы подтверждена опытом. Здесь также, как правило, не присутствует синтез и абстрагирование, и попытки визави апеллировать к общему и абстрактному уверенный в своей правоте хорошист агрессивно отвергает с позиций «да у нас в гаражах вообще всё не так». В то же время он приветствует и признает технические инновации: доверие к ним обуславливается их материальной природой и явленной

чувственному восприятию очевидной, лежащей на поверхности утилитарной «полезностью».

В позднее советское время авторитарный диктат относительно редко принимал форму тоталитарной деспотической власти учителя над учеником, вместе с тем авторитаризм как форма властных иерархических взаимоотношений подразумевает, что подчиненный (учащийся) с большим трудом может выстроить личную границу-контакт; в качестве защитной реакции подчиненному остается конструировать внутри своей личности некую скорлупу (раковину), в которой он мог бы пребывать в относительно комфортном и безопасном ментальном состоянии. Ежедневно советский школьник испытывал сложные переживания: сомнения в отношении содержания того, что доктринировал учитель с позиций авторитарного диктата, неспособность выразить эти сомнения, страх перед осмеянием, осуждением или наказанием. Как правило, внутренний конфликт разрешался в пользу конформизма, вынужденного смирения и признания бессмысленности попыток самовыразиться. Как ни парадоксально, подавление самостоятельности и внутреннего критицизма, сужение границ-контактов до критического объема внутреннего личностного пространства и необходимость избегания вечного внутриличностного конфликта порождают так называемую авторитарную личность (Т. Адорно [1]), среди свойств которой — авторитарное подчинение, авторитарная агрессия, антиинтрацепция, склонность к суевериям, приверженность стереотипам, злоупотребление властью до проявлений «жесткости», деструктивность, цинизм и проективность [14]. Нарушение личностных границ, в свою очередь, было причиной следующих когнитивных нарушений: подчинение чужому мнению и восприятие его как собственного; гипертрофированный конформизм; отказ от принятия решения, перекладывание ответственности («всё не так однозначно»); неискренность

(привычка к двоемыслию); отождествление себя и значимых других. Эти особенности и породили знаменитые «колебания граждан вместе с линией партии»: по мнению граждан, есть большие начальники, которые знают, что и как, а мы не знаем и никогда не узнаем. Все эти качества, если вду-

маться, являются свойствами незрелой личности, так и не вставшей на позицию ответственного «взрослого». На социальном уровне описанные особенности рожают феномены «спирали молчания», «страха изоляции», сверхконформизма и патернализма.

Заключение

В 2020 г. Россию, как и другие страны мира, поразила эпидемия новой коронавирусной инфекции SARS-CoV-2 (COVID-19). Одновременно на постсоветском пространстве распространилась еще одна эпидемия — вспышка пещерного мракобесия: несформированность научного мировоззрения, отсутствие привычки к абстрагированию от повседневного, избегание таких сложных мыслительных операций, как работа с глобальным и воображаемым, на которые наложился страх за свою жизнь, усыпили разум и пробудили чудовищ. Чудища имели разный облик: часть граждан отрицала само наличие вируса, отказывалась использовать средства персональной защиты, не желала вакцинироваться, распространяла слухи о «жидком чипировании» и иным образом проявляла активно-агрессивное мракобесие; другая часть демонстрировала вопиющее легкомыслие по отношению к своему здоровью, пренебрежение к своей жизни, а заодно и окружающих. Протест против введения QR-кодов был единственным примером гражданской солидаризации в то время, когда в других странах граждане поддерживали действия правительств, а протестовали против них только маргинальные сообщества: в Израиле — хасидские районы, в США и Италии — необразованное население южных территорий.

В сказке, излагающей одну из версий создания Келлской книги, мальчик-послушник, будущий иллюстратор этой рукописи,

храбро заявлял: «Истинному христианину не страшно воображаемое» (True Christian has no fear of imaginary things)⁶. Действительно, религии должны учить неофитов отличать подлинные чудеса от мнимых. Однако подготовка к встрече с неизведанным — задача, в первую очередь, системы светского образования. Именно истинно образованному человеку, независимо от вероисповедания, не должна быть страшна встреча с новым и непознанным.

Наше исследование показало, что советская система образования не справилась с этой задачей. Она сформировала общество догматиков, неспособных к коллективному научному мышлению. Догматизм, светский или религиозный, не помог его носителям при встрече с необъяснимым. Полная закрытость сознания для кажущегося иррациональным, отрицание его (мол, вся эта эпидемия вымышленная) были одной из двух полярных позиций. На другом полюсе оказались пассивность, подчинение и иррациональная покорность «судьбе», продемонстрированные частью религиозных общин (члены которых посещали службы в переполненных храмах) и пенсионерами (рассуждавшими в духе: «Пойду сделаю прививку, всё равно скоро умирать, зато подарочек от мэра Москвы получу»).

Во всем спектре поведения взрослых россиян проявили себя и недоверие, и агрессия, и двоемыслие, и склонность к суевериям, и приверженность стереотипам, и цинизм,

⁶ «Тайна Келлс» (“The Secret of Kells”, анимационный фильм, реж. Н. Туми, Т. Мур, Ирландия, Бельгия, Франция, 2009).

и гипертрофированный конформизм, и отказ от ответственности, — все те паттерны индивидуального и общественного сознания, которые в значительной степени являются производными эффектами технократизма и авторитаризма советской образовательной системы.

Список литературы и источников

1. **Адорно Т.** Исследование авторитарной личности / [пер. с нем. М. Н. Попова, М. В. Кондратенко]. М.: Астрель, 2012. 473 с. (Philosophy).
2. **Бажанов В. А.** Абстрагирование и абстракции в оптике нейронауки // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 6—18. <https://doi.org/10.5840/eps202158222> EDN: FGFKAD.
3. **Богданов А. А.** Тектология: всеобщая организационная наука: в 2 кн. / редкол.: Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др. М.: Экономика, 1989. Кн. 1. 304 с. (Экономическое наследие).
4. **Графский В. Г.** Государство и технократия: историко-критические исследования. М.: Наука, 1981. 289 с.
5. **Дюкло Ж.** Голлизм, технократия, корпоративизм: пер. с фр. М.: Прогресс, 1964. 147 с.
6. **Кадникова О. В., Бабкина Н. А.** Становление феномена выученной беспомощности и его влияние на современное общество // Вектор экономики. 2019. № 11 (41). С. 118. EDN: ICTAAS.
7. **Кольчева С. В.** Технократизм как причина кризиса гуманистической культуры // Омский научный вестник. 2006. № 6 (41). С. 31—34. EDN: HDVQFW.
8. **Кунафин М. С.** Технократический и экологический стереотипы мышления и поведения: философский и социально-психологический анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Уфа, 1991. 17 с.
9. **Локосов В. В.** Патерналистские настроения массового сознания: мифы и реальность // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 1 (89). С. 29—33. EDN: MNQLWH.
10. **Максимов С. В.** Нечистая, неведомая и крестная сила / соч. С. В. Максимова. СПб.: т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. [2], IV, 526, III с. (Этнографическое бюро кн. В. Н. Тенишева).
11. **Марсель Г.** Опыт конкретной философии / [пер. с фр. В. П. Большакова, В. П. Визгина]. М.: Республика, 2004. 222 с. (Мыслители XX века).
12. **Сен-Симон К. А. де.** Избранные сочинения. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 468 с.
13. **Фатклисламов Ф. Н.** Абстрагирование как метод познавательной деятельности: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. Казань, 1990. 168 с.
14. **Флусова В. С.** Исследование влияния степени религиозности на социальные установки отношения к аутистическим группам в православной среде // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 7. С. 195—202. EDN: RZONWN.
15. **Хрушкова К. А.** Выученная беспомощность как социально сформированный феномен // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития: сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов с международным участием (Рязань, 09—10 апр. 2020). Рязань: Академия права и управления ФСИН, 2020. С. 633—638. EDN: JWELDQ.
16. **Циринг Д. А.** Выученная беспомощность и жизненные события // Вестник Института психологии и педагогики. 2003. № 1. С. 155—159. EDN: SJTGCF.
17. **Heidegger M.** The Question Concerning Technology, and Other Essays. Reissue ed. New York: Harper Perennial, 2013. 224 p. (Harper Perennial Modern Thought).
18. **Learned Helplessness, Welfare and the Poverty Cycle** / ed. K. L. Heitkamp. New York: Greenhaven Publ., 2019. 176 p.
19. **Moatti A.** Alterscience: Postures, dogmes, idéologies. Paris: Odile Jacob, 2013. 334 p.
20. **Peterson C., Maier S. F., Seligman M. E. P.** Learned Helplessness: A Theory for the Age

of Personal Control. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1993. 359 p.

21. **Servier J.** L'idéologie. Paris: Presses universitaires de France, 1982. 126 p.
22. **Stiehm J.** The U.S. Army War College: Military Education in a Democracy. Philadelphia: Temple Univ. Press, 2002. VIII, 260 p.

References

1. Adorno Theodor. *Studien zum autoritären Charakter*. Leipzig: Suhrkamp, 1995. 512 S. (In German).
2. Bazhanov Valentin A. "Abstraction through the Lens of Neuroscience". *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science* 58.2 (2021): 6—18. (In Russian). <https://doi.org/10.5840/eps202158222> EDN: FGFKAD.
3. Bogdanov A. A. *Tectology: General Organizational Science*. Publ. ed. L. I. Abalkin et al. Book 1. Moscow: Ekonomika, 1989. 304 p. 2 books. (In Russian).
4. Grafskiy V. G. *State and Technocracy: Historical and Critical Studies*. Moscow: Nauka, 1981. 289 p. (In Russian).
5. Duclos Jacques. *Gaullisme, technocratie, corporatisme*. Paris: Editions Sociales, 1963. 200 p. (In French).
6. Kadnikova O. V., Babkina N. A. "Formation of the Phenomenon of Learned Helplessness and its Impact on Modern Society". *Vektor ekonomiki = Vector Economy* 11 (41) (2019): 118. (In Russian). EDN: ICTAAC.
7. Kolycheva S. V. "Technocracism as the Cause of Crisis of Humanistic Culture". *Omskiy nauchnyy vestnik = Omsk Scientific Bulletin* 6 (41) (2006): 31—34. (In Russian). EDN: HDVQFW.
8. Kunafin M. S. *Technocratic and Ecological Patterns of Thinking and Behavior: Philosophical and Socio-Psychological Analysis*: Extended Abstract for the Cand. Sci. (Philos.) Dissertation. Ufa, 1991. 17 p. (In Russian).
9. Lokosov V. V. "Paternalist Sentiment in Mass Consciousness: Myths and Reality". *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta = Scientific Notes of the Russian State Social University* 1 (89) (2011): 29—33. (In Russian). EDN: MNQLWH.
10. Maksimov S. V. *Evil Spirit, Unbeknownst Force and Good Heavens*, work by S. V. Maksimov. St. Petersburg: t-vo R. Golike i A. Vil'borg, 1903. [2], iv, 526, iii p. (In Russian). Etnograficheskoye byuro kn. V. N. Tenisheva.
11. Marcel Gabriel. *Essai de philosophie concrète*. Paris: Gallimard, 1999. 368 p. (In French).
12. Saint-Simon C.-H. de. *Œuvres choisies: précédées d'un essai sur sa doctrine*. T. 1. Bruxelles: Van Meenen, 1859. cxii, 264 p. (In French).
13. Fatklislamov F. N. *Abstracting as Cognitive Activity Method*: Diss. for the Cand. Sci. (Philos.). Kazan, 1990. 168 p. (In Russian).
14. Flusova V. S. "Research on the Influence of Religiousness on Social Attitudes towards Out-Groups in the Orthodox Religious Environment". *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye = The Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science and Religion Studies* 7 (2014): 195—202. (In Russian). EDN: RZONWN.
15. Khrushkova K. A. "Learned Helplessness as Socially Formed Phenomenon". *Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya: sbornik materialov Vseros. simpoziuma psikhologov s mezhdunar. uchastiyem* (Ryazan', 09—10 apr. 2020). Ryazan: Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. 633—638. (In Russian). EDN: JWELDQ.
16. Tsiring Diana A. "Learned Helplessness and Life Events". *Vestnik Instituta psikhologii i pedagogiki* 1 (2003): 155—159. (In Russian). EDN: SJTGCF.
17. Heidegger Martin. *The Question Concerning Technology, and Other Essays*. Reissue ed. New York: Harper Perennial, 2013. 224 p. Harper Perennial Modern Thought.
18. Heitkamp K. L., ed. *Learned Helplessness, Welfare and the Poverty Cycle*. New York: Greenhaven Publ., 2019. 176 p.
19. Moatti Alexandre. *Alterscience: Postures, dogmes, ideologies*. Paris: Odile Jacob, 2013. 334 p. (In French).

20. Peterson C., Maier S. F., Seligman M. E. P. *Learned Helplessness: A Theory for the Age of Personal Control*. New York: Oxford Univ. Press, 1993. 359 p.
21. Servier Jean. *L'idéologie*. Paris: Presses universitaires de France, 1982. 126 p. (In French).
22. Stiehm J. *The U.S. Army War College: Military Education in a Democracy*. Philadelphia: Temple Univ. Press, 2002. viii, 260 p.

Информация об авторах

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, главный редактор журнала «Экономические и социально-гуманитарные исследования», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, д. 1).

Лункина Юлия Валентиновна — магистр издательского дела, редактор журнала «Известия высших учебных заведений. Электроника», Национальный исследовательский университет «МИЭТ» (Россия, 124498, г. Москва, пл. Шокина, д. 1).

Information about the authors

Tatiana V. Rastimeshina — Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof., editor-in-chief at the academic journal “Economic and Social Research”, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Yulia V. Lunkina — MS in Publishing, editor at the academic journal “Proceedings of Universities. Electronics”, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Shokin sq., 1).

Статья поступила в редакцию после доработки 22.07.2023.

The article was submitted after updating 22.07.2023.